

Кэтрин Энн Портер

Кэтрин Энн Портер

Белый конь,
бледный всадник

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Сое)я44
П60

Серия «XX век / XXI век — The Best»

Katherine Anne Porter
PALE HORSE, PALE RIDER:
Three Short Novels

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Публикуется с разрешения
Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company
и Synopsis Literary Agency.

Портер, Кэтрин Энн.

П60 Белый конь, бледный всадник : [сборник : перевод с английского] / Кэтрин Энн Портер. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 288 с. — (XX век / XXI век — The Best).

ISBN 978-5-17-133607-3

«Что же такое жизнь и что мне с ней делать?»

Эта взволнованная фраза героини одной из новелл сборника «Белый конь, бледный всадник», где каждая новелла по напряженности происходящих событий стоит большого романа, может послужить эпиграфом ко всему творчеству Кэтрин Портер. Где бы ни происходило действие этих историй — на маленькой молочной ферме среди равнин Техаса или в большом городе, что бы ни лежало в основе сюжета — случайное преступление или смутная, грозная атмосфера Первой мировой войны, главным для писательницы всегда остаются переживания человеческого сердца.

УДК 821.111-82(73)
ББК 84(7Сое)я44

© Katherine Anne Porter, 1936, 1937, 1939
Copyright © renewed 1964, 1965, 1967
by Katherine Anne Porter

© Перевод. Н. Волжина, наследники, 2020

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2021

© Перевод. М. Кан, наследники, 2021

ISBN 978-5-17-133607-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Полуденное вино

Время: 1896–1905
Место: Маленькая ферма в Техасе

Два чумазых, взъерошенных мальчугана, которые рылись среди крестовника во дворе перед домом, откинулись на пятки и сказали: «Здрасьте», когда долговязый, тощий человек с соломенными волосами свернул к их калитке. Он не задержался у калитки; она давно уже удобно приоткрылась и теперь так прочно осела на расхлябанных петлях, что никто больше не пробовал ее закрывать. Человек даже не взглянул в сторону мальчигов и уж тем более не подумал с ними поздороваться. Просто прошел мимо, топая здоровенными тупоносыми запыленными башмаками, одним, другим, размеренно, как ходят за плугом, словно все ему было здесь хорошо знакомо и он знал, куда идет и что там застанет. Завернув за угол дома с правой стороны, под кустами персидской сирени, он подошел к боковому крыльцу, на котором стоял мистер Томпсон, толкая взад-вперед большую маслобойку.

Мистер Томпсон был крепкий мужчина, обветренный и загорелый, с жесткими черными воло-

сами и недельной черной щетиной на подбородке. Шумливый, гордый мужчина, держащий шею так прямо, что все лицо приходилось на одной линии с кадыком, а щетина продолжалась на шее и терялась в черной поросли, выбивающейся из-под растегнутого воротника. В маслобойке урчало и хлюпало, точно в утробе рысящей лошади, и почему-то казалось, что мистер Томпсон в самом деле одной рукой правит лошадью, то осаживая ее, то погоняя вперед; время от времени он делал полуоборот и выметал поверх ступенек богатырскую струю табачного сока. Каменные плиты у крыльца от свежего табачного сока побурели и покрылись гляncем. Мистер Томпсон сбивал масло уже давно и основательно наскучил этим занятием. Он как раз насосал табачной слюны на хороший плевок, и тут незнакомец вышел из-за угла и остановился. Мистер Томпсон увидел узкогрудого человека с костлявым длинным лицом и белыми бровями, из-под которых на него глядели и не глядели глаза такой бледной голубизны, что тоже казались почти белыми. Судя по длинной верхней губе, заключил мистер Томпсон, опять какой-нибудь ирландец.

— Мое почтение, уважаемый, — вежливо сказал мистер Томпсон, подтолкнув маслобойку.

— Мне нужна работа, — сказал человек, в общем-то, внятно, но с нездешним выговором, а с каким, мистер Томпсон определить затруднился.

Не негритянский выговор, не кейджен¹ и не голландский, а там — шут его разберет. — Вам здесь не нужен работник?

Мистер Томпсон дал маслобойке хорошего толчка, и она ненадолго закачалась взад-вперед сама по себе. Он сел на ступеньки и выплюнул на траву изжеванный табак.

— Присаживайтесь, — сказал он. — Возможно, мы и сладимся. Я в аккурат подыскиваю себе кого-нибудь. Держал двух нигеров, да они на той неделе ввязались в поножовщину тут выше по речке, один помер, другого посадили за решетку в Коулд-Спрингс. Об таких, скажу по совести, руки марать не стоит, не то что убивать. В общем, похоже, надо мне брать человека. Вы раньше-то где работали?

— В Северной Дакоте, — сказал незнакомец, складываясь зигзагом на другом конце ступенек, но не так, как если бы присел отдохнуть. Он сложился зигзагом и устроился на ступеньках с таким видом, словно вообще не собирался вставать в ближайшее время. На мистера Томпсона он ни разу не посмотрел, хотя ничего вороватого тоже не было у него во взгляде. Он вроде бы не смотрел и ни на что другое. Его глаза сидели в глазницах и все пропускали мимо. Вроде как не рассчитыва-

¹ Диалект американцев французского происхождения в штате Луизиана. — *Здесь и далее прим. перевод.*

ли увидеть такое, на что стоило бы посмотреть. Мистер Томпсон долго ждал, не прибавит ли он еще что-нибудь, но он как будто впал в глубокую задумчивость.

— В Северной Дакоте, — произнес мистер Томпсон, сиюсь припомнить, где бы это могло быть. — Надо понимать, не близкий свет.

— Я все могу по хозяйству, — сказал незнакомец, — задешево. Мне нужна работа.

Мистер Томпсон изготвился перейти вплотную к делу.

— Будем знакомы, — сказал он. — Томпсон. Мистер Ройял Эрл Томпсон.

— Мистер Хелтон, — сказал незнакомец. — Мистер Улаф Хелтон. — Он не шелохнулся.

— Ну что же, — сказал мистер Томпсон самым зычным голосом, на какой только был способен. — Думается, давайте-ка сразу начистоту.

Мистер Томпсон всякий раз, когда располагался с выгодой повернуть дельце, ударялся в бесшабашную веселость. Не из-за вывиха какого-нибудь, а просто до смерти не любил человек платить жалованье. И открыто в том признавался. «Ты им — и харч, и постой, — говорил, — да сверх того еще деньги. Несправедливо это. Мало что инвентарь тебе произведут в негодность, — говорил, — так от ихнего недогляда один разор в хозяйстве и запущение». И к полюбовной сделке он прорывался с гоготом и рыком.

— Я перво-наперво хочу знать вот что — вы на сколько метите меня обставить? — зареготал он, хлопая себя по коленке. Наделал шуму в меру сил, потом утих, слегка пристыженно, и отрезал себе кус табаку. Мистер Хелтон, уставясь в пространство между сараем и фруктовыми деревьями, тем временем, казалось, спал с открытыми глазами.

— Я — хороший работник, — глухо, как из могилы, сказал мистер Хелтон. — Получаю доллар в день.

Мистер Томпсон до того опешил, что позабыл снова расхохотаться во все горло, а когда спохватился, от этого уже было мало проку.

— Хо-хо! — надсаживался он. — Да я за доллар в день самолично подамся внаймы. Это где же такое за работу платят доллар в день?

— В Северной Дакоте, на пшеничных полях, — сказал мистер Хелтон, и хоть бы усмехнулся.

Мистер Томпсон перестал веселиться.

— Да, здесь вам не пшеничное поле, оно конечно. Здесь у нас будет скорей молочная ферма, — проговорил он виновато. — У супруги у моей больно лежала душа к молочному хозяйству, коров обихаживать, телят, я ее и уважил. И дал маху, — сказал он. — Все равно приходится хозяйничать почитай что в одиночку. Супруга у меня не особо крепкого здоровья. Взять, к при-

меру, сегодня — хворает. Все эти дни перемогалась. Кой-чего мы здесь садим себе к столу, под кукурузой есть участок, есть фруктовые деревья, поросят сколько-то держим, курей, но первая у нас статья дохода — коровы. И признаюсь я вам, как мужчина мужчине, никакого от них дохода нет. Не могу я платить вам доллар в день лишь по той причине, что хозяйство мне просто-напросто не приносит таких денег. Да, уважаемый, не на доллар мы в день перебиваемся, а куда поменьше, я бы сказал, если все прикинуть на круг. Теперь что же, тем нигерам двум я платил семь долларов в месяц, по три пятьдесят на рыло, но скажу вам так — один мало-мальски сносный белый, по мне, в любой день и час стоит целого выводка нигеров, так что положу я вам семь долларов, столуетесь вместе с нами, и обращаться с вами будут, по присловью, как с белым человеком...

— Ладно, — сказал мистер Хелтон. — Согласен.

— Ну что же, стало быть, выходит, по рукам — так, что ли? — Мистер Томпсон вскочил, словно вспомнил вдруг про важное дело. — Вы тогда становитесь вот сюда к маслобойке, покачайте ее маленько, ага, а я покуда смотаюсь в город кой по каким делишкам. Совсем возможности не было отлучиться всю неделю. Как быть с маслом, когда собьется, это вы небось знаете?

— Знаю, — не повернув головы, сказал мистер Хелтон. — Я умею обходиться с маслом. — У него был странный, тягучий голос, и, даже когда он говорил всего два слова, голос у него медлительно вихлялся вверх и вниз и ударение приходилось не туда, куда надо. Мистера Томпсона разбирало любопытство, из каких же чужих краев мистер Хелтон родом.

— Так где бишь это вы работали раньше? — спросил он, как если бы предполагал, что мистер Хелтон начнет противоречить сам себе.

— В Северной Дакоте, — сказал мистер Хелтон.

— Что ж, всякое место на свой манер не худо, коль пообвыкнуть, — великодушно признал мистер Томпсон. — Вы-то сами родом нездешний, правильно?

— Я — швед, — сказал мистер Хелтон, принимаясь раскачивать маслобойку.

Мистер Томпсон густо хохотнул, точно при нем первый раз в жизни отпустили такую славную шутку.

— Вот это да, чтоб я пропал! — объявил он громогласно. — Швед! Ну что же, но одного боюсь, не заскучать бы вам у нас. Что-то не попадались мне шведы в нашей местности.

— Ничего, — сказал мистер Хелтон. И продолжал раскачивать маслобойку так, словно работал на ферме уже который год.

— Правду сказать, если на то пошло, я до вас живого шведа в глаза не видал.

— Это ничего, — сказал мистер Хелтон.

Мистер Томпсон вошел в залу, где, опустив зеленые шторы, прилегла миссис Томпсон. Глаза у нее были накрыты влажной тряпицей, на столе рядом стоял тазик с водой. При стуке мистер-томпсоновых башмаков она отняла тряпицу и сказала:

— Что там за шум во дворе? Кто это?

— Малый у меня там один, сказался шведом, масло, сказал, умеет делать, — отвечал мистер Томпсон.

— Хорошо бы и вправду, — сказала миссис Томпсон. — Потому что голова у меня, гляжу, не пройдет никогда.

— Ты, главное, не беспокойся, — сказал мистер Томпсон. — Чересчур ты много волнуешься. А я, знаешь, снарядился в город, запасусь кой-каким провиантом.

— Вы только не задерживайтесь, мистер Томпсон, — сказала миссис Томпсон. — Не заверните ненароком в гостиницу. — Речь шла о трактире, у владельца заведения, помимо прочего, наверху сдавались комнаты.

— Эка важность два-три пуншика, — сказал мистер Томпсон, — от такого еще никто не пострадал.

— Я вот в жизни не пригубила хмельного, — заметила миссис Томпсон, — и, скажу больше, в жизни не пригублю.

— Я не касаюсь до женского сословия, — сказал мистер Томпсон.

Мерные всхлипы маслобойки нагнали на миссис Томпсон сперва легкую дремоту, а там и глубокое забытье, от которого она внезапно очнулась с сознанием, что всхлипы уже порядочно времени как прекратились. Она привстала, заслонив слабые глаза от летнего позднего солнца, тянущего расплющенные пальцы сквозь щель между подоконником и краем штор. Жива покамест, слава те Господи, еще ужин готовить, зато масло сбивать уже не надо и голова хотя еще и дурная, но полегчала. Она не сразу сообразила, что слышит, слышала даже сквозь сон, новые звуки. Кто-то играл на губной гармошке, не просто пиликал, режа слух, а искусно выводил красивую песенку, веселую и грустную.

Она вышла из дома через кухню, спустилась с крыльца и стала лицом на восток, заслоняя глаза. Когда мир прояснился и обрел определенность, увидела, что в дверях хибарки, отведенной для батраков, сидит на откинutom кухонном стуле белобрысый верзила и, закрыв глаза, выдувает музыку из губной гармошки. У миссис Томпсон екнуло и упало сердце. Боже ты мой, видать, бездельник и недотепа, так и есть. Сначала черные забулдыги,